

Обичкина Е.О.¹ ©, 2021

Внешняя политика Эммануэля Макрона: Поиски геополитической стратегии в разладившейся мировой иерархии

Аннотация. Начало президентского цикла открывает новый период французской политики не только во внутреннем, но и в международном плане. Для отечественной школы франковедения характерно соотносить внешнеполитический курс нового главы государства с главной исторической референцией Пятой республики – дипломатией ее основателя Ш. де Голя, несмотря на то что определившие ее международные условия ушли в прошлое. Глубокие трансформации международной среды расшатали основы внешнеполитического равновесия, найденного де Голлем, поэтому прогнозировать внешнеполитический курс Парижа, исходя исключительно из традиции, представляется анахронизмом. За три с половиной года правления Э. Макрона определились главные направления корректировки геополитических подходов, что не снизило остроты вопроса о роли Франции и ЕС в мире, где выстраивается новая иерархия центров силы. Новые черты французской геополитики свидетельствуют о трансформациях геополитической идентичности, в которой суверенитет перенесен на европейский уровень (ЕС), а стратегическая идентичность – с национального / европейского на европейский / атлантический уровень. В этом двойственном

---

¹ *Обичкина Евгения Олеговна* – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России (obitchkina@mail.ru).

ансамбле Франция намерена играть роль лидера, способного продвигать национальные интересы через утверждение ЕС в качестве самостоятельного центра силы. Целью статьи является анализ современной французской геополитики, что позволяет очертить направление и рамки внешней политики страны на среднесрочную, возможно, – на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: внешняя политика Э. Макрона, геополитика Франции, геополитические интересы России, Европейский союз как центр силы, Индо-Тихоокеанский регион.

Голлистская парадигма ушла в прошлое

Геополитический ареал Франции был очерчен границами, определенными имперской историей и разломами холодной войны. Это: Северная Атлантика с опорой на ЕЭС / ЕС и НАТО, континент Евразии, баланс сил в которой обеспечивается аркой, соединяющей ее западную (Франция) и восточную (Россия) оконечности, и Средиземноморье и Африка, т.е. «заповедная зона», унаследованная от колониальной империи. В этой конфигурации первостепенная роль принадлежала атлантической общности, поскольку она давала стране гарантии безопасности (НАТО), принадлежность к полюсу развития, процветания и стабильности, претендующему на организацию мира по своей модели – Западу / Северу, сохранявшему лидирующие позиции со времени великих географических открытий. Европа (ЕС) мультиплицировала экономические возможности Франции, а стратегический диалог с Москвой выделял страну среди прочих средних держав Западной Европы, подкрепляя ее стремление уравновесить асимметрию с США и позволяя продвигать идею европейской Европы – «Европы-державы».

Становление новой парадигмы международных отношений в постбиполярный период породило поиски новой ниши, способной обеспечить национальные интересы страны в процветающем и разросшемся западном ансамбле, в опоре на прежние геополитические ориентиры. Однако мировой экономический кризис 2008 г. опрокинул равновесие, тяготевшее к *Pax Americana*, в котором Франция пыталась сохранить роль «союзника, но не подчиненно-

го» единственной гипердержавы¹. Евроатлантика уступила место лидера развития Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР). Одновременно внутри нее Франция обнаружила качественное снижение своего международного веса на фоне опасного нарушения основ внутреннего равновесия: кризиса социально-политической и экономической модели, который привел к общественному расколу, затронувшему главные опоры прежней геополитической идентичности. Угроза терроризма, кризис мигрантов, претензии новых центров силы и новая расстановка сил в мире и в Европе в 2010-х годах потребовали ревизии географических границ, в которых страна мыслит свои интересы, и ресурсов, которыми она может располагать для их защиты. Президентские выборы 2017 г., отмеченные столкновением националистического радикализма и либерального европеизма, стали «моментом истины», а личные качества победившего на них Э. Макрона усилили потенциал наметившейся геополитической «революции»². За три с половиной года его правления определились основные направления корректировки геополитических подходов, однако они содержат больше вопросов, чем ответов.

Целью данного исследования является анализ основ современной французской геополитики, что позволяет очертить направление и рамки внешней политики страны на среднесрочную, возможно, – на долгосрочную перспективу. В данном случае под геополитикой понимается определенная интеллектуальная парадигма, определяющая международную деятельность государства, и, поскольку речь идет о французской геополитике, предлагается рассматривать ее в понятийных рамках, предложенных национальной школой. Принадлежа субъективным категориям, геополитика, так же как национальная идентичность, не может оставаться неизменной при неизменности географического положения, но следу-

---

¹ Выражение Ю. Ведрина, министра иностранных дел Франции в правительстве Л. Жоспена (1997–2002), отражавшее гипертрофированную роль США в мире по окончании холодной войны.

² «Révolution» – название программной книги Э. Макрона (Macron E. *La Révolution*. – P. : XO, 2016. – 146 p.).

ет за изменениями международного и внутреннего плана, включая психологическое состояние общества.

Геополитическая стратегия Франции со времен Четвертой республики базировалась на двух комбинациях – Европейском сообществе и НАТО, призванных одновременно возместить недостаток могущества и устранить «наследственную» угрозу со стороны Германии. При этом в западном ансамбле Франция отводила себе особую роль благодаря планетарному измерению своей геополитики. В отличие от других членов «шестерки», она обладала влиянием в бывшей колониальной империи. Стремясь сохранить национальную независимость внутри евро-атлантического ансамбля, де Голль добавил в этот проект высокие идеи: независимость и суверенность решений, строительство политической, «европейской» (а не американской) Европы в расширительном значении – от Атлантики до Урала, выстраивая партнерские отношения с Москвой с перспективой преодоления раскола континента и с надеждой на будущую конвергенцию Восточной и Западной Европы. Планетарная роль Франции опиралась также на ее способность сформулировать универсальное гуманитарное послание в духе идей республиканского мессианства – свободы, равенства, братства – в противовес силовому соперничеству двух сверхдержав, расколовшему мир.

Голлистская Франция ушла в прошлое. Выборы 2017 г. низвергли с политического олимпа партию «Республиканцы», унаследовавшую идеи основателя Пятой республики. Вместе с тем ее дипломатия отошла от национальной голлистской парадигмы независимости и величия в пользу европейской и атлантической солидарности. Главной причиной этих сдвигов в международном плане является то, что французской дипломатии не удалось найти особой ниши в верхних этажах новой мировой иерархии, создающейся в течение трех десятилетий, прошедших после окончания холодной войны и вступления Франции в глобальный мир. Трезвый расчет, в котором геополитика в ее традиционном, национальном измерении переплеталась с геоэкономическими императивами, позволил стране достаточно комфортно продвигать свои интересы в когорте лидеров солидарного Запада, однако потребо-

вал значительных издержек для гармоничного встраивания в евроатлантическую систему, поскольку правила игры формулировали США – ее непревзойденный лидер. В годы, когда последний горячий приверженец национального суверенитета Ф. Миттеран пытался заложить основы новой европейской системы в духе Европы «от Атлантики до Урала», этот выбор, тогда еще недостаточно определенный, был обоснован директором аналитического центра, близкого Французской социалистической партии (ФСП), – П. Бонифасом, утверждавшим, что «никогда не следует в одиночку бороться с США, особенно если ты хорохоришься перед всем миром. Каждый раз, когда Франция пытается это сделать, она крупно проигрывает... Сохранение Францией своего державного статуса будет в значительной степени зависеть от позиции, которую она займет по отношению к Соединенным Штатам» [Boniface, 1998, p. 72-73].

Ни горячее желание Ж. Ширака, ни отважная риторика Н. Саркози не могли переломить общей тенденции, воплотившейся в «заурядной» политике Ф. Олланда, идущего по пути консолидации Запада – победителя в холодной войне, расширенного благодаря ускоренной интеграции Центральной и Восточной Европы. Де Голль остался монументальной исторической фигурой. Инерция, заданная мощным голлистским импульсом 1958–1969 гг., с его идеализмом и пассионарностью, «безумством храбрых», преодолевающим ограниченность ресурсов, не могла длиться вечно. Если воспоминания о голлистских амбициях возникают сегодня в речах Э. Макрона, то в большей степени этому способствует опасный националистический напор правых радикалов из «Национального объединения».

Суждение З. Бжезинского, относившего Францию вместе с СССР к двум проигравшим в холодной войне, в которой выиграла США и Германия, оказались пророческими. Три десятилетия, прошедшие с окончания холодной войны, были отмечены снижением влияния французской дипломатии и в Европейском союзе, и внутри западного ансамбля, и в мире. Они превратили в анахронизм отсылки к голлистской политике независимости и величия, в ее национальном, т.е. чисто французском измерении, несмотря на

активную внешнюю политику ее президентов и риторику, приличествующую рангу державы с мировой ответственностью. Речь идет о геополитическом фокусе, в котором рассматривают картину мира руководители французской политики в наши дни. Анализируя дипломатию нового президента и прогнозируя его международное поведение, прежде всего следует внести в логику анализа определение этого фокуса, так же как методологии, на которой базируется выработка современной геополитической стратегии Франции. Авторы недавно изданной во Франции брошюры «Геополитика России» определяют ее как особый, наступательный род внешней политики, направленной на завоевание и удержание пространства и влияния¹, «соперничество за власть или влияние над территориями или над населением, на них проживающим, имеющее целью контроль, завоевание или защиту территорий большой и малой площади» [Mongrenier, Thom, 2018, p. 27].

Директор ведущего аналитического центра по вопросам международных отношений – Французского института международных отношений (IFRI) Т. Гомар, ссылаясь на определение, данное его основателем, а ныне почетным президентом Т. де Монбриалем, видит в геополитике «идеологию, детерминированную географическим положением, которая лежит в основе проектов, диктуемых идентичностью, и призвана оправдать внешнеполитические цели, которые формулируются исходя из материальных и человеческих ресурсов» [Gomart, 2019, p. 14].

Будучи, как и любая парадигма, подверженной изменениям, геополитика является более устойчивой, чем внешняя политика – профессиональная сфера дипломатов и военных, которая «служит реализации, а зачастую – сокрытию целей, сформулированных правительствами». Это определение, так же как разграничение двух уровней анализа международной деятельности государства, заслуживает внимания потому, что Т. Гомар синтезировал представления о новых геополитических вызовах, требующих адекватного ответа со стороны французской дипломатии на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективы в недавно вышед-

---

¹ Авторы придерживаются определения И. Лакоста [Lacoste, 2009].

шей книге, название которой можно перевести как «Мировой беспорядок», или «Разладившийся мир». В своем анализе новых параметров французской геостратегии он основывается на взаимодействии трех составляющих международной деятельности: геополитики, внешней политики и геоэкономики, значение которой повышается в связи со смещением международного соревнования из военно-стратегической в экономическую сферу. Этот методологический подход позволяет «выявить и проанализировать взаимодействие между геополитикой и внешней политикой, чтобы понять, а значит, предсказать поведение другого [игрока]» [Gomart, 2019, p. 14]. Репрезентативности суждениям Т. Гомара добавляет роль возглавляемого им института, занимающего видное место в экспертизе и выработке рекомендаций для французской дипломатии, а также высокая степень совпадения его суждений и предложений с высказываниями и действиями президента Э. Макрона.

Принимая во внимание, что геополитика определяется идеологией и географией, вернее, задается историко-географическими рамками, в которых страна мыслит и оправдывает реализацию своих интересов, прежде всего следует обратить внимание на последствия двух решений, повлиявших на восприятие границ и ресурсов национальной внешней политики во Франции. Это инициированное Миттераном и Колем превращение ЕЭС в Европейский союз, в котором после расширения середины 2000-х годов западноевропейское ядро его основателей осталось в меньшинстве, и возвращение в военную организацию НАТО, завершенное при Н. Саркози. Кроме того, нельзя оставить без внимания появление новых вызовов и угроз на фоне обрушения мировой иерархии, установившейся по окончании холодной войны, но не пережившей первых десятилетий нового века.

Постбиполярный либеральный проект США – *Pax Americana*, поддержанный Европейским союзом, более далек от реализации, чем во времена Б. Клинтона и Дж. Буша-мл. Н. Саркози в начале 2010-х годов констатировал, что современное состояние международных отношений характеризуется понятием «относительного могущества» из-за усилившейся оппозиции новых центров силы,

не разделяющих ценностей, лежащих в основе универсального западного проекта глобализации. США, которые после 1945 г. проводят политику, не оставляющую выбора их партнерам, будь то односторонние действия Дж. Буша, мультилатерализм Обамы или импульсивное поведение Трампа, не являются в глазах французских наблюдателей союзником, предсказуемым и достойным доверия.

Т. Гомар считает, что, несмотря на непревзойденное могущество Соединенных Штатов, ущерб, нанесенный их репутации Трампом, «уже невосполним». Геополитические расчеты оставляют европейским союзникам США, которые прежде были и их основными торговыми партнерами, второстепенную и подчиненную роль в американской геополитике и геоэкономике. Трамп заставил европейцев сомневаться в действенности американских гарантий безопасности в случае возникновения конфликта, связав американскую военную помощь с подчинением коммерческим интересам США. Он разорвал переговоры по ТТИП (ТТІР) в момент, когда его главным торговым партнером стал Китай – одновременно главный соперник, который воспользовался отвлечением ресурсов Вашингтона на реализацию плана Большого демократического Ближнего Востока, сделавшись второй экономической державой мира [Gomart, 2019, p. 76, 82].

Новые центры силы включились в силовое соперничество за влияние, к которому добавляется ожесточение борьбы за контроль над мировым пространством: морским, воздушным, космическим и цифровым. Китай, Россия, Турция оспаривают планы мирового управления, согласованные Западом в 1990–2000-е годы. Их наступательная политика на фоне изоляционизма Трампа и несогласованного с союзниками наступления турецкой армии на севере Сирии настолько повысила градус недоверия в евро-атлантических отношениях к концу 2019 г., что заставила Э. Макрона в интервью «The Economist» сделать резкое заявление о «смерти мозга НАТО» [Pour Emmanuel Macron., 2019]. Исправить положение дипломатическим путем в силу намеренной глухоты союзников не представлялось возможным. Требовалось изменить геополитические ориентиры.

Эти вызовы на фоне растущего евроскептицизма, по мнению Макрона, «ставят ЕС, обессиленный Брекзитом», «на край пропасти». «Если мы не проснемся, велик риск того, что мы исчезнем геополитически, т.е. не будем больше хозяевами своей судьбы». Тремя главными рисками для Европы Макрон назвал: забвение принципа общности, на котором построен ЕС, незаинтересованность США в европейском проекте, усиление китайского могущества, способного привести к маргинализации Европы. Для того чтобы вернуть ЕС геополитическое равновесие, Макрон предложил усилить две традиционные для Франции континентальные опоры, первой из которых является европейская оборонная идентичность, стратегическая автономия и собственная военная сила, а второй – возобновление стратегического диалога с Россией, оговорившись, что при этом не стоит быть «наивными» и не следует ожидать быстрого результата» [Pour Emmanuel Macron., 2019]. Произнося эти слова, Э. Макрон не мог предугадать, что в его от-важные планы вмешаются обстоятельства, затруднившие их реализацию. Конец 2019 г. был отмечен «делом Скрипалей», 2020 г. прошел под знаком пандемии и закончился «делом Навального». В то же время неправильно было бы объяснять буксование его проекта этими факторами, так как изменения геополитики, по определению, глубже и медленнее изменений внешней политики, поскольку они учитывают всю совокупность разнородных ресурсов, необходимых для ее реализации.

Атлантизм и Европейский союз как основы новой геополитической идентичности

А. Жюппе, который в 1993–1995 гг. возглавлял французский МИД, пожалуй, наиболее емко и одним из последних выразил суть голлистского геополитического мышления: «Мы должны видеть мир таким, каков он есть, но это не значит, что мы должны его таким принимать» [Juré, 1995, p. 246]. В соответствии с этим убеждением при его патроне, неоголлисте Ж. Шираке, Франция старалась предложить оригинальный проект глобализации, отличный как от унифицированного *Pax Americana*, так и от хаотического и неуправляемого глобального рынка, к которому, как тогда представлялось, могла скатиться мировая экономическая система из-за

смещения центра мировой гравитации в АТР и последовавшего за ним снижения роли евро-атлантического тандема США–ЕС и подконтрольных им институтов глобального управления мировой экономикой. Однако после 1995 г. в связи с Дейтонскими соглашениями, свидетельствующими о неспособности европейцев разрешить югославский кризис собственными силами, без США, а особенно после 1999 г. (натовской военно-воздушной операции против Югославии, которая нарушила согласие между Россией и Западом), следование вектору, заданному творцами американского либерального проекта, возобладало над голлистским волюнтаризмом. Как оказалось, последний гораздо больше был присущ президенту-социалисту, чем голлисту Ж. Шираку, поскольку был положен в основу главных проектов Ф. Миттерана, стремившегося направить развитие международных процессов в безопасное для Европы и, следовательно, для Франции русло. Главным лозунгом Ж. Ширака с 1970-х годов была «адаптация» – приспособление голлизма к меняющимся реалиям, что с неизбежностью привело французские правящие круги к признанию за своей страной ранга «средней», а не великой державы, пусть и «с глобальной ответственностью». В результате именно в правление Ж. Ширака началось возвращение в атлантическое русло, пусть частичное, не безусловное и сопровождающееся постоянной критикой внешнеполитического поведения США. Таким образом, добровольное, реактивное, отвечающее реальному соотношению сил снижение амбиций стало трендом изменения внешнеполитической идентичности Франции в постбиполярный период. Следующим шагом в том же направлении был отказ от главной характеристики французской исключительности – постепенное возвращение в военные структуры НАТО, задуманное при Ф. Миттеране, начавшееся при Ж. Шираке и окончательно осуществленное в годы правления Н. Саркози (2010).

В то время как геополитическим горизонтом президента Н. Саркози, принявшего эстафету в партии Ж. Ширака Союз за народное движение, оставалась «большая Европа», в соответствии с голлистской традицией, признающей европейское будущее России, «наследник» Ф. Миттерана (в партии, но не в дипломатии)

Ф. Олланд, несмотря на приличествующие президентам Пятой республики заявления о верности планетарному призыванию Франции, в реальности ограничил амбиции своей внешней политики активным содействием консолидации Запада в его евроатлантическом измерении, усиленной благодаря инициативе Б. Обамы по созданию ТТИП (Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство). Поиски формулы особых отношений с лидером, свидетельством чему стала его неудачная попытка в паре с Б. Обамой обрушить сирийский режим (август 2013 г.)¹, напоминают не столько о голлизме, сколько о британском способе сохранения влияния в опоре на привилегированный союз с США или о схожих планах руководителей Четвертой республики. Между тем американская дипломатия относится к Франции как к стране, потерявшей право называться великой державой, восходящее к военной катастрофе 1940 г. Таким образом, сохраняется главная пружина, создающая напряжение между Парижем и Вашингтоном, и асимметрия в двусторонних отношениях. Ф. Олланд повторил неудачный опыт прошлого: при основании НАТО французской дипломатии не удалось сформировать во главе нее тройку для принятия стратегических решений. Придя к власти в 1958 г., де Голль пытался вернуться к формуле разделенного лидерства внутри Альянса и с тем же отрицательным результатом. Выводом для де Голля стал выход из военной организации НАТО, в то время как его преемники по Елисейскому дворцу предпочли снижение амбиций, вернувшее страну к полномасштабному участию в Альянсе.

Латентные сдвиги в геополитическом сознании отразились не только на внешней политике. Современная французская геополитика глубоко отлична от той, которой руководствовалась французская политическая элита во времена де Голля и его наследников вплоть до Ф. Миттерана. В настоящем ее отличают две

---

¹ Б. Асад был обвинен в применении химического оружия против мирных жителей. В качестве наказания Б. Обама и Ф. Олланд планировали нанести удар по Сирии, однако США предпочли отказаться от этой идеи и согласиться с планом Лаврова–Керри, который предусматривал уничтожение сирийского химического оружия под международным контролем.

особенности: отказ от национальной геополитической идентичности в пользу европейской, призванной воплотиться в ЕС, и отказ от голлистской парадигмы в пользу атлантической. Важно, что она сформирована не только сознательным выбором череды президентов, но убеждением тех, кто составляет прагматичное и бесстрастное «глубинное государство», в отличие от народных избранников менее склонное следовать изменению симпатий гражданского общества: корпуса чиновников, дипломатов и военных, к которым можно добавить экспертные круги. Притом что армия дольше других была склонна к сохранению голлистской традиции, возвращение в военную организацию НАТО, повлекшее за собой активное участие французских военных в проектах, обменах и образовательных программах, содействовало победе атлантистов над голлистами. Последнее десятилетие, увенчавшее 70-летнее существование Франции в Альянсе, – время, равное существованию СССР, – сформировало *Homo Atlanticus* французской политики и аналитики. Тесный союз с США в этом кругу является мультипликатором национальных и европейских возможностей в сфере безопасности, и президент Макрон не устает повторять: «США нам необходимы»; «США – первый союзник Франции» [Macron, 2017 b], «это неизбежный партнер в вопросе безопасности» [Macron, 2017 e].

Победа атлантического мышления была парадоксальным образом ускорена благодаря наращиванию европейского интеграционного вектора французской внешней политики трех последних десятилетий, изначально направленной на превращение Европейского союза в самостоятельный центр силы, в «Европудержаву». Голлистская мечта о политической, «европейской» Европе под французской эгидой, соответствовавшая биполярной системе, не пережила трансформаций постбиполярного периода. Главную роль в этом, как в свое время предсказывал Ж. Ширак, сыграл закон количества – стремительное и масштабное расширение ЕС за счет стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), которые искали в евроинтеграции экономическую опору, но полагались в области безопасности исключительно на НАТО, из-за весомости американских гарантий и исходя из печального опыта

1930–1940-х годов, не позволяющего доверять ни Лондону, ни Парижу, ни прочим западноевропейским партнерам, менее амбициозным в военной области. Параллельно и под влиянием этой тенденции совершалась трансформация геополитической картины, формирование комплексного подхода к отражению новых вызовов и угроз.

Субъективный характер геополитики объясняет, почему отечественной дипломатии следует учесть, что голлистская парадигма в настоящее время не определяет международное поведение Франции и почему необходимость сотрудничества с Россией, очевидная для голлистов, не является таковой для атлантистов, несмотря на увеличение ставок в планетарной игре: на фоне американской односторонности, общих рисков внешней и внутренней безопасности и роста экономического могущества Китая. Китайский проект глобализации «Один пояс, один путь» оставляет еще меньше возможностей для защиты их экономических интересов, чем американский проект, навязывающий однозначный выбор политической модели развития и предполагающий главенство интересов США.

Реализация суверенитета через Европу

Если официальным предвыборным лозунгом президента Макрона были слова «Вперед, Франция!», его кредо было изложено в книге под названием «Революция», что подразумевает стремление к радикальным переменам во всех сферах, включая внешнеполитическую, тем более что международная проблематика и проблемы безопасности на президентских выборах 2017 г. попали в центр общественного обсуждения. По прошествии трех лет правления Э. Макрона результаты задуманных им реформ кажутся достаточно скромными. Они разошлись с общественным запросом на усиление государственной поддержки на фоне общего снижения уровня жизни, вызвали острые социальные протесты, усугубившие экономические проблемы, к которым в 2020 г. добавились те, что спровоцировала пандемия. Безусловно, это не способствует авторитету Франции среди партнеров и союзников, ограничивает потенциал активной внешней политики, намеченной

президентом. В то же время «революционные» изменения, провозглашенные Макроном, должны были служить преодолению накопившихся внутренних и международных проблем, которые взятые вместе привели к объективному снижению роли Франции в Европе, а также Франции и Европы в мире. Его предшественник Ф. Олланд был президентом, международная деятельность которого не оставляла сомнений в утере Францией способности не только определять международную повестку дня, но и отразить прямые вызовы интересам страны. Евроскепсис, усиленный Брекзитом, недальновидная политика в отношении сирийского кризиса, рост террористической угрозы в связи с успехами ИГИЛ¹, кризис мигрантов, а особенно превращение этих проблем во внутренние угрозы безопасности граждан поставили международные вопросы в центр избирательной кампании, обозначили главные линии размежевания избирателей. Перенесение акцента деятельности французской дипломатии на глобальные гуманитарные проблемы, в первую очередь экологические, даже несомненный дипломатический успех Олланда – Парижское соглашение по климату, не смогли переломить общего неблагоприятного итога: дипломатия Франции неадекватна современным вызовам и общественным настроениям внутри страны и нуждается в серьезном пересмотре. Особенностью предвыборной кампании 2017 г. было нарушение проевропейского консенсуса внутри политического класса – дань настроениям избирателей.

Главным выводом, озвученным Э. Макроном в его программной речи на первой после его избрания Посольской неделе в конце августа 2017 г., стало новое понимание суверенитета, его перенесение на европейский уровень. «Это суверенитет, открытый миру, и он требует, чтобы его реализовали коллективно, поскольку вызовы выходят за национальные границы. Место реализации нашего суверенитета сегодня – это Европа» [Macron, 2017 a]. Благодаря ей и через нее Франция вместе с членами ЕС должна продвигать собственные интересы, добиваясь их перехода на общеевропейский уровень. Такой подход парадигматически меняет

---

¹ Организация, запрещенная в РФ.

содержание привычного французскому дипломатическому лексикону понятия «великая держава» (*grande puissance*) и «Европа-держава» (*la puissance de l'Europe*). Притом что президент сделал суверенитет одной из главных опор своей геополитической стратегии, он закрепил изменение как географических рамок, так и содержания этого понятия. Новое европейское прочтение отличается прежде всего тем, что ограничивает государственный суверенитет, подчиняя его абсолютному приоритету прав человека, включая реализацию внешними игроками «права на защиту» от посягательств государства, которому классическое прочтение предоставляет исключительное право на насилие внутри своих границ. Кроме того, оно расширяет географические границы реализации суверенитета, порывая с голлистской моделью интеграционного объединения государств-наций, в свое время сделавшей Францию оппонентом планов федерализации ЕС.

Этот геостратегический выбор президент подтвердил ссылкой на демократическую легитимность, напомнив, что его победа во втором туре выборов над Марин Ле Пен стала «отражением состояния умов наших сограждан». С одной стороны, в последний тур прошли два кандидата, «предложивших радикально пересмотреть способ, которым Франция управлялась эти последние 30 лет, стремление к трансформации, рожденное острым осознанием, что мир вокруг нас изменился и что в этих условиях нет ничего хуже бездействия». С другой стороны, на фоне растущего евроскептицизма и национализма в самой Франции победа во втором туре единственного кандидата, твердо отстаивающего европейскую идею, парадоксальным образом подчеркнула приемлемость расширения национальных рамок геостратегического мышления до европейских. «Я выбрал (в отличие от тех, кто выступает за закрытость, ужесточение границ, их герметизацию) Францию, которая восстановит свой ранг среди других наций в Европе, отвечающую вызовам сегодняшнего мира и четко выражающую свою позицию» [Macron, 2017 a], – заявил Макрон при вступлении в должность. Впрочем, это заявление отразило наряду с амбициозностью замысла констатацию факта: снижение веса страны на континенте. Вслед за тем последовало признание сни-

жения роли Европейского союза в мире. Это серьезно меняет геополитическую картину, в которой Франция, уютно расположившись в клубе лидирующих мировых держав, обеспечив свою безопасность внутри НАТО и приручив вчерашнего «наследственного врага» – Германию, в опоре на тесное сотрудничество с ней в продвижении европейской интеграции и вернувшись к более тесному союзу с США, могла реализовать свои планетарные интересы. Французская дипломатия по-прежнему хочет быть «мировой и глобальной» (*mondiale et globale*), но это требует изменения геополитических подходов, переоценки соотношения сил.

В 2017 г. Э. Макрон констатировал, имея в виду картину ультралиберального глобального порядка, основанного на гипермогуществе одного государства: «Мы переживаем период интенсивного пересмотра дипломатических убеждений (*certitudes diplomatiques*) и нарушения линий, существующих в мире последние 25–50 лет». Современное состояние мира отмечено обострением борьбы за место в новой мировой иерархии, прежде всего между Китаем, опирающимся на тесное партнерство с Россией, и США, в которой Европейский союз пока не является самостоятельным игроком [цит. по: Gomart, 2016].

Помимо того что, несмотря на внутреннюю консолидацию, евро-атлантическому ансамблю не удалось сохранить непререкаемого мирового лидерства, к которому его приучили пять веков экономического и военно-технологического превосходства, новая геометрия мирового соперничества оставляет Европе в этом ансамбле подчиненную роль. С особенной очевидностью эта новая данность проявилась в годы правления Э. Макрона, совпавшие с правлением Д. Трампа в США. Гармонизированные при Б. Обаме отношения между ЕС и США приобрели напряженный характер, что было тем более опасно, что внутри Евросоюза к тому времени оформилось твердое проамериканское, консервативное ядро главным образом из новых членов. Оказалось, что ставка на привилегированные отношения с Вашингтоном и надежды, что после Брексита Франция может стать его главным партнером в континентальной Европе, является выигрышной только при наличии доброй воли президентов США. Вторым осложнением стал повы-

пленный риск столкновения США и Китая, пусть и в средне- и долгосрочной перспективах.

Невнятность позиции европейцев по отношению к комплексу вызовов, рожденных этим соперничеством, угрожает европейским игрокам потерей контроля над реализацией собственных интересов. Осознание риска породило нарастающую тревогу в заявлениях Э. Макрона. В 2017 г. он призывал «вернуться к порядку, коллективному, стабильному и справедливому, с нашими союзниками и всеми нашими партнерами», имея целью «трансформацию Европы, обращенной в будущее, и к ее народам», стремясь сделать геополитический горизонт Франции достоянием всех европейцев (имея в виду правительства и народы Европейского союза). В этом он видел «залог более стабильного мира, усмиряющий соперничество держав» [цит. по: Gomart, 2016]. Нарастание тревожных тенденций, обозначенных Э. Макроном в начале его правления, утвердило новые черты французской геополитики, так же как решимость перестроить французскую внешнеполитическую стратегию, перенеся ее на европейский уровень.

Из европейской программы Макрона следует, что он не закрывает глаза на разнородность стремлений членов ЕС. Суверенитет «через Европу» – для него не реальность, а проект, способ повышения французского могущества при условии строительства ЕС как «Европы-державы». Этому служит план, обращенный к будущему поколению европейцев и представленный Макроном в выступлении перед студентами в Сорбонне 26 сентября 2017 г. [Macron, 2017 d]. Путь продвижения геополитической стратегии Макрона – «инклюзивный мультилатерализм», постепенное обобществление интересов через вовлечение партнеров в форматы усиленной солидарности, инициированные теми, кого он назвал «авангардом желания» («avant-garde de désir»), напомнив, что они неизменно продвигали европейское единство, постепенно увлекая остальных членов по пути, намеченному лидерами – в первую очередь, франко-германской парой. Говоря о будущем ЕС к 2024 г., президент Франции назвал этот путь «дифференциацией согласно амбициям», т.е. по степени вовлеченности. «Мы должны двигаться дальше с теми, кто хочет идти вперед, и чтобы нас не тор-

мозили государства, которые отказываются идти быстрее и дальше». Отказаться от ограничений консенсуса, не позволяя «процветать тем, кто изнутри подрывает европейский проект» (намек на Польшу, Румынию, Венгрию) [Macron, 2017 a].

Казалось бы, выход Великобритании объективно усиливал позиции Франции внутри ЕС, хотя и создавал ряд проблем внешнеполитического порядка. В геополитическом плане он возвращал центр европейской гравитации на континент, к франко-германской паре, однако искушение британским примером само по себе нарушило сложившийся баланс и поставило под вопрос европейскую солидарность, предоставляя националистам-евроскептикам большую свободу выбора. Кроме того, задача была осложнена тем, что у Франции в период правления Макрона не было важного рычага – европейского председательства (последнее пришлось на 2008 г.), поэтому главные надежды возлагались на укрепление франко-германского тандема, поскольку германское председательство пришлось на второе полугодие 2020 г.

Франко-германский альянс в силу растущей асимметрии экономических возможностей и влияния в ЦВЕ в пользу Германии порождает во Франции постоянное беспокойство по поводу способности обеспечивать французские интересы внутри и вместе с разросшимся Европейским союзом. Тем сильнее было стремление Э. Макрона побудить А. Меркель к укреплению согласия. План усиления франко-германского единства в области экономики, озвученный в речи в Сорбонне, был отчасти закреплён в декабре 2018 г. в Аахенском договоре, ставшем продолжением Елисейского договора 1963 г. В то же время порой создается впечатление, что франко-германская пара является таковой только в глазах Парижа. Меркель в одном из своих выступлений указала, что между ней и Макроном «существуют трения», употребив слово, которое переводчик перевел на французский как «конфронтация» (*confrontation*), и «различия в менталитете», на что Макрон реагировал ловкой фразой, назвав эту «конфронтацию плодотворной» (*une confrontation féconde*) [Macron assume., 2019]. Тем не менее в период своего европейского председательства, в разгар пандемии коронавируса, сократившей личные контакты на высшем уровне, канц-

лер Германии предпочитала выдвигать инициативы от своего имени, не ссылаясь на французское партнерство.

В целом Европа-27 после Брекзита гораздо менее способствует укоренению французских геополитических ориентиров внутри ЕС, чем прежняя, «старая» Европа – шестерка первых членов или Европа-12 до большого расширения середины 2000-х годов. «Новые члены», несмотря на 15 лет пребывания в Союзе, не были готовы отказаться от недавно обретенного суверенитета в пользу его размытой европейской редакции. Кроме того, со времен Ж. Ширака, резко критиковавшего решение новых членов поддержать интервенцию США в Ираке, несмотря на сопротивление франко-германского тандема, в восточноевропейских столицах склонны подозревать Париж в высокомерии и болезненно воспринимают любые назидательные высказывания французских лидеров. Так случилось и с Э. Макроном, который в начале своего правления в августе 2017 г. предпринял настоящее дипломатическое наступление, осуществив серию визитов в страны, которые прежде не занимали центрального места в европейской политике Парижа. Этот шаг был тем более значимым, что первый европейский вояж Д. Трампа незадолго до того начался с посещения Восточной Европы – Эстонии (председателя ЕС во втором полугодии 2017 г.) и Польши.

Однако результаты не оправдали ожиданий Макрона, потому что геополитические императивы (продвижение французского влияния внутри ЕС через идею общеевропейского суверенитета) разошлись с непосредственными задачами национальной политики, впрочем, общими для стран западноевропейского ядра ЕС. В выступлении на пресс-конференции в Варне Э. Макрон позволил себе резкие высказывания в адрес польского правительства. Главное недовольство Макрона вызвал «социальный демпинг», который используют страны Восточной Европы с более низким уровнем, чем во Франции, оплаты труда, отказываясь от строгого выполнения соответствующей европейской директивы о «перемещенной рабочей силе» (*«travailleurs détachés»*), что, по его мнению, является «еще одной ошибкой Варшавы, которая «по многим вопросам» расходится с курсом ЕС [Meysan, 2017]. Кроме того, Мак-

рон от лица ЕС критиковал националистическую миграционную политику Польши и ряда стран Восточной Европы, напомнив, что «Европа строилась на общественных свободах, которые сегодня тормозит Польша... Это государство, которое сегодня решило самоизолироваться». Премьер-министр Польши г-жа Шидло отнесла подобные высказывания на счет «недостатка политического опыта» нового французского президента и посоветовала ему заняться внутренними делами Франции и постараться обеспечить в своей стране такой же уровень экономического роста и безопасности граждан, как в Польше, напомнив, что «Польша – такой же член ЕС, как и Франция» [Travailleurs détachés., 2017].

Настаивая на европейском суверенитете, Макрон наметил прорыв в продвижении европейской обороны [Macron, 2019]. В 2019 г. он мог констатировать значительные успехи на этом направлении: за два года было сделано больше, чем за все время с 1950-х: реализуется усиленное сотрудничество в области обороны, созданы европейский фонд обороны, европейские силы вмешательства (*initiative européenne d'intervention*), и похоже, что в рамках этих программ останется Великобритания, несмотря на Брекзит. Последнее явилось реализацией идеи Макрона, озвученной осенью 2017 г. в речи в Сорбонне. Он сам отметил, что тогда это называли «французским бредом» (*fadaises françaises*), но сегодня к проекту готовы присоединиться Финляндия, Эстония, Греция, которые прежде полагались на особые отношения или с Россией, или с НАТО. Это сотрудничество стало одной из главных тем парада 14 июля 2019 г., на котором присутствовали и представители Великобритании. Для Франции эта инициатива не ставит под вопрос полномочия НАТО, но создает дополняющую НАТО стратегическую автономию и расширяет необходимые рамки для маневра, в частности для контроля над вооружениями.

Важный мотив пересмотра геополитики Франции – усиление давления китайского фактора, что наряду с проблемами общеевропейской безопасности придает дополнительную остроту «русскому вопросу», т.е. поискам рамок взаимодействия с восточной оконечностью европейского материка. В противовес стремлению Макрона сбалансировать атлантический крен Евросоюза «но-

вой архитектурой» отношений с Россией, члены ЕС не склонны оставлять за Францией и даже за Германией, имеющей сегодня и больший вес в экономических связях с Москвой, и большее влияние в Восточной Европе, выработку нового общего курса на российском направлении. В глазах Греции, например, более естественным является переход инициативы в выстраивании новых отношений с Россией к ее лимитрофам, особенно к странам Балтии или к Польше, но у тех в этом вопросе выработалась стойкая русофобская позиция, не просто расходящаяся с французской, но нацеленная на отсечение России от остальной части Европы. В этом отношении геополитическая стратегия Франции диаметрально расходится с трендом складывания новой европейской идентичности внутри самого ЕС после его большого расширения и определяемого геополитикой новых членов. Л. Делькор (Сьянс По), один из ведущих специалистов по политике ЕС, адресованной странам «восточного соседства», указывает на то, что самоидентификация Европейского союза, в силу разнородности его членов состоит в единстве ценностей и норм, которые тот стремится распространить в международном окружении, с чем была категорически не согласна Россия, отказавшаяся от конвергенции с Западом.

Таким образом, отталкивание от России «способствует консолидации идентичности единого Европейского союза, который по своей природе является неоднородным» [La Russie dans le monde, 2019, p. 188]. Притом что русофобский пафос геополитики «новых» членов ЕС – стран Балтии и Польши, так же как Швеции, – имеет скорее историческое объяснение, приведенное соображение определило утверждение общей позиции, разделенной «старыми» членами. Этот выбор противоречил традиционной геостратегии Пятой республики, но Франция, изначально не разделяя его, не решилась ему активно сопротивляться, уважая стремление бывших социалистических стран порвать с советским прошлым. Последним, кто призвал Запад «перевернуть страницу холодной войны» в отношениях с Россией, был Н. Саркози, а Ф. Олланд предпочел дистанцироваться даже от двустороннего сотрудничества. Впоследствии Сильви Берман, посол Франции в России, с сожалением укажет на ошибочность такого выбора западноевропей-

цев. Э. Макрон по праву председателя Совета Европы в 2019 г. содействовал возвращению России права голоса, исходя из убеждения, что отчуждение от Европы толкает Россию к геополитике, которая «не в наших интересах» [Déclaration conjointe., 2019]. Президент Франции может соглашаться с авторитетной когортой отставных политиков, сохранивших голлистское восприятие места России в европейской стратегии Франции (Ю. Ведрином, Ж.-П. Шевенманом, Н. Саркози), но настаивать на этом мнении означает в сложившихся условиях столкнуться с «глубинным государством», вызвать возмущение и, возможно, подозрения влиятельной атлантической и русофобской группы внутри ЕС, т.е. обречь собственный европейский проект на провал.

Получается, что логическим продолжением стремления Макрона придать европейский масштаб границам геополитических интересов Франции является обострение стратегических отношений с Россией, которая из неизбежного партнера превращается в угрозу, объективно таковой не являясь. В этом состоит сегодня парадокс «русского вопроса» для французской геополитики. Россия расположена на противоположной оконечности континента и во французской стратегической культуре рассматривалась как необходимая опора европейскому равновесию, союз или сотрудничество с которой представлялись залогом безопасности страны и Европы в целом. Но, перенеся границы своей безопасности на атлантический и европейский уровень и не желая маргинализироваться внутри НАТО, Франция добровольно участвует в миссии НАТО по усилению военного присутствия в странах Балтии и Польше (FRA-EFP LYNX). С апреля по сентябрь 2018 г. ВВС Франции охраняли (от России) воздушное пространство Эстонии [Франция послала., 2019]; 300 военнослужащих, танки и БМП Франции расквартированы в настоящее время в Литве, недалеко от российской границы, что противоречит духу сотрудничества в рамках Российско-французского совета по вопросам безопасности, возобновившего свою работу в сентябре 2019 г. Этой двойственностью был отмечен визит Э. Макрона в Литву и Латвию в разгар белорусского кризиса осенью 2020 г. и его речь в Вильнюсе, где последним французским высоким гостем в 2001 г. был Ж. Ширак.

Итогом визита стало принятие трехсторонней декларации (франко-литовско-латвийской) о защите демократии и противодействии атакам в информационном пространстве. Макрон заявил о необходимости постоянного диалога с Россией, подобного тому, который ведет с Москвой Франция, поскольку Россия является ближайшим соседом и поскольку он верит в то, что «другой всегда может исправиться», пообещав, что этот диалог будет абсолютно прозрачным и будет осуществляться в уважении интересов государств Балтии [Déplacement du Président., 2020].

Благодаря НАТО Россия может считаться противником Франции «поневоле», а экспертными кругами она относится к «угрозам и вызовам». Поскольку между Россией и Францией нет ни территориальных споров, ни общей границы, ни непримиримых противоречий, главным оправданием такого восприятия является новое явление – опасное влияние модели ее международного поведения на внутривнутриполитическую жизнь и состояние умов в самой Франции и в других европейских странах. В желании России преодолеть отчужденность от ЕС благодаря поискам «окон возможностей», которые открывают двусторонние отношения, видится стремление «раздробить» ЕС, нарушить европейскую солидарность, воспользоваться преимуществами, которые создает в силу разности потенциалов сотрудничество с отдельными государствами Союза. Один из ведущих специалистов по геополитике Т. Гомар считает, что в политическом плане Россия сегодня «оказывает на европейские страны гораздо большее влияние, чем они на нее» [Gomart, 2019, p. 145]. Для представителей крайне правых и крайне левых, консервативных и националистических кругов Россия «является примером сопротивления глобализации, западной (особенно американской) гегемонии и/или защитником традиционных ценностей» [La Russie dans le monde, 2019, p. 187]. Кроме того, поведение России, так же как Китая и США (при Трампе), делающих ставку на межгосударственные отношения, противоречит главному принципу международного взаимодействия – принципу мультилатерализма, позволяющему странам, подобным Франции, отстаивать свои интересы на глобальном уровне.

Мультилатерализм Э. Макрон назвал среди главных инструментов независимости Франции и других государств ЕС в современных условиях [Macron, 2017 a]. Этот принцип позволяет «не быть в зависимости (*obligé*) от гипердержав, но быть их собеседником» [Macron, 2019]. На французском, европейском прочтении мультилатерализма стоит остановиться особо. Термин принято переводить на русский язык как «многосторонность», однако такой перевод в духе национальной дипломатической практики только отчасти передает суть термина, поскольку не различает два принципиально разных формата: межгосударственный, подразумевающий стремление к компромиссу при самостоятельности интересов участников, каждый из которых преследует собственный интерес, и собственно мультилатеральный, обозначающий наличие прочной солидарности внутри группы стран в защите общих интересов ее участников. Мультилатерализм позволяет государству преследовать собственные интересы, ставя им на службу могущество других¹. Теоретически в арсенале Франции для этого имеются членство в ЕС и НАТО, разнообразные форматы сотрудничества по всему миру, на которые опирается ее вес в клубе постоянных членов СБ ООН и в ядерном клубе.

«Сильный мультилатерализм» – лозунг Э. Макрона [Macron, 2017 a], который стремится ввести ЕС в глобальный политический ансамбль в качестве коллективного актора, мультиплицируя тем самым потенциал французской дипломатии. Вместе с тем усиление национализма в Европе и в мире, особенно после 2008 г., привело к кризису мультилатерализма, ограничив реализацию этого инструмента французского влияния. Как констатирует Т. Гомар, внутри СБ ООН Франция рискует идти против течения, поскольку из-за поведения ее партнеров по пятерке грандов – Китая, России и США, от Буша к Трампу исповедующих унилатерализм, «многополярность не сопровождается больше мультилатерализмом, создающим стабильность» благодаря общности интересов [Gomart, 2019, p. 284]. Они, каждый на свой лад, предпочитают

---

¹О французской концепции мультилатерализма, которая нетождественна многосторонности, ее русскому переводу, см.: [Boniface, 1998, p. 50].

мультилатерализму многосторонность. Тем сильнее стремление Э. Макрона к сильному мультилатерализму. Речь не только об отстаивании самого принципа на международной арене, но о создании синергетического потенциала для продвижения европейских интересов в мире благодаря выработке общей, наступательной стратегии, адекватной главному вызову – снижению глобальной геополитической и геоэкономической роли ЕС.

Поиски расшатанного равновесия являются лейтмотивом французской геополитики. Ей от имени европейцев предстоит дать ответ на главные вызовы, не позволяющие оставаться в рамках прежних решений. В соответствии с этим Э. Макрон решил укрепить традиционную роль Франции – «уравновешивающей» державы [Macron, 2017 a]. Тактика Макрона – «выбирать ясные, т.е. ограниченные цели и выработать новые меры, чтобы их реализовать». На смену геополитике «по всем азимутам», служившей отлаживанию уже действующих механизмов, пришла сосредоточенность на главных направлениях приложения дипломатических усилий, что диктуется чрезвычайным характером геополитических вызовов. Отражением этого является нарастающий год от года алармистский тон выступлений президента перед послами. «Мы слишком долго следуем привычке считать приоритетными все направления», но у нас недостает «четкой нацеленности на результат». «Франция должна действовать, а не испытывать на себе последствия действий других» [Macron, 2018], – отметил Макрон в выступлении перед послами Франции в августе 2018 г. В 2019 г. потенциал ЕС был серьезно ослаблен Брекситом, в Западной Европе имели возможность оценить разницу между инклюзивным мультилатерализмом à la Obama и Евроатлантикой à la Trump, в которой интересы европейцев учитываются по остаточному принципу. Осознание угрожающих перемен отразилось в отчаянной фразе, произнесенной Макроном на конференции послов 2019 г.: ЕС, «обессиленный Брекситом, стоит на краю пропасти и может исчезнуть геополитически. Если мы не проснемся, мы больше не будем хозяевами своей судьбы» [Macron, 2019].

Геополитическая идентичность Франции, имеющая идеологическую природу, позволяет ответить на вопрос о причинах об-

ратимости, т.е. волнообразного характера франко-российских отношений: от привилегированного сотрудничества к охлаждению и спаду. Устойчивое тяготение к евро-атлантическому единству определяется органическими интересами, заключенными в общности ценностей, приверженности либерально-демократической модели, позволявшей Западу удерживать лидирующие позиции в сфере гуманитарного прогресса. Вместе с тем республиканское мессианство имеет мало веса в силовом соперничестве, что диктует необходимость создания инструментов могущества в соответствии с вызовами времени. Макрон извлекает уроки из многополосного мира, «в котором Франция, европейцы «каждый день должны маневрировать сами по себе, в соответствии со своими интересами». «Нам нужно быть подвижными, автономными, способными завязывать союзы и полностью пользоваться мультилатерализмом, вписываться в наши традиционные альянсы и в то же время, пользуясь случаем, создавать ситуационные альянсы, позволяющие нам быть более эффективными», что не позволяет стране замкнуться в Евроатлантике [Macron, 2017 a].

Нарушенное равновесие: главные геополитические вызовы

Географическое положение определяет Францию как западную оконечность Европы, открытую Атлантике. Имперская история, оставив Франции в наследство заморские территории, расширила географию ее ответственности не только на Карибский бассейн и Африку, но и на Индо-Тихоокеанский регион. Французской политической элите не удалось защитить принципы нового глобального проекта, выдвинутые в свое время Ж. Шираком, пытавшимся смягчить строгие императивы *Pax Americana* призывами к демократичному мироустройству, основанному на умеренности в осуществлении западной гегемонии, на уважении политического и культурного разнообразия¹. Однако, вписывая интересы своей страны в атлантические (НАТО) и европейские (ЕС) интересы, Э. Макрон не спешит встать в ряды «заурядных» государств евро-атлантического ансамбля.

---

¹ См. подробнее: [Обичкина, 2004, с. 280].

Исходя из широкого геополитического горизонта державы с глобальной ответственностью, Франция не ограничивает свои интересы региональными рамками. Ее президент считает своим правом и обязанностью формулировать от имени европейцев (ЕС) главные направления общей геополитической стратегии, надеясь их убедить, увлечь перспективой общего развития в период, когда в мире выстраивается «новая мировая иерархия» [Gomart, 2019, p. 16]. Т. Гомар обратил внимание на исключительную важность новой геополитики для Э. Макрона, сравнившего в одном из интервью нынешнее положение Европы и Франции в Европе с ситуацией, порожденной в межвоенный период Великой депрессией 1929 г. [ibid., p. 272]. Тогда дипломатическая рутина и неадекватная геополитика европейских держав привели к национальной, европейской, мировой катастрофе. Не разделяя пафоса президента, эксперт констатирует, что Франция в действительности переживает критический момент, когда снизившиеся ресурсы ее влияния не соответствуют амбициозной задаче – вернуть мир к равновесию благодаря усилению ЕС как центра силы. Обострение мирового соперничества в условиях относительного снижения собственных ресурсов и международного веса ЕС является определяющим мотивом пересмотра геополитической стратегии Франции при президенте Макроне. Притом что в решении поставленной задачи сегодня много неизвестных и переменных величин, за которыми скрываются возможные изменения международной реальности и позиции партнеров и союзников, уже можно определить направления, по которым идет пересмотр геополитических ориентиров.

Прежде всего это расширение ареала и изменение проблематики безопасности. Речь не только о неразрывной связи внутренней и внешней безопасности, но и об определении стратегических приоритетов в этой области. Казалось бы, Средиземноморье и Африка должны стоять в центре французской геополитики, поскольку врагом номер один сегодня является международный исламский терроризм, а обстоятельством, облегчающим проникновение террористов на территорию стран ЕС, – миграционный кризис. В предвыборной программе Э. Макрона африканская тема была разработана достаточно подробно, поскольку служила при-

влечению весомой части электората из обоих лагерей, чувствительного к проблемам миграции, терроризма и расколовшей общество памяти об имперском прошлом Франции¹. В начале своего правления Макрон выступил с программной речью в Университете Уагадугу с ярким заявлением о том, что «африканской политики Франции больше не существует», имея в виду принципиальное изменение – она переносится на уровень ЕС, и это должны быть отношения между двумя континентами, свободные от наслоений прошлых обид и преступлений, вне отжившего разделения на прежние «зоны исключительной ответственности» бывших колониальных держав [Macron, 2017 с].

Новая общность связана не только с достижениями европейской интеграции, но продиктована общностью вызовов и угроз, связывающих два континента, первые из которых – волны неконтролируемой миграции и терроризм, одним из мировых центров которого стал Сахель. Его распространение наряду с нарастающей внутренней нестабильностью и процессами распада в африканских государствах, с ростом обскурантизма связали африканский и европейский берега Средиземноморья «дорогами нужды и страданий», организованными подпольными преступными синдикатами, занимающимися незаконной переправкой людей, работоторговлей, торговлей оружием и наркотрафиком. Опасность наступления в Африке «темных времен» неизбежно скажется на Европе, поэтому помощь развитию в самом широком ее значении является неотложной задачей всего ЕС. Сказано это было накануне саммита ЕС–Африка в Абиджане 28 ноября 2017 г., на котором была предложена конкретная программа по преодолению кризиса мигрантов.

В то же время Франция в Африке и Африка во французской геополитике, дипломатии и военной политике по-прежнему играют важную роль, поскольку именно Франция связана со своими бывшими колониями договорами о военной помощи, тесными экономическими связями и ведет активные военные операции по сдерживанию террористического наступления в Сахеле, угро-

---

¹Предвыборные высказывания Макрона см. в интервью журналу «Jeune Afrique»: [Ben Jahmed, 2017].

жающего государственности в Мали. Вместе с тем Франция тем более нуждается в расширении своих возможностей с опорой на ЕС, поскольку в одиночку ей трудно выстоять в растущей конкуренции за экономическое и военно-политическое влияние на континенте, к которому помимо Китая подключилась Россия, осуществляя помощь по стабилизации африканских режимов в ЦАР и в Судане. Открытие в Судане российской базы ВМФ, так же как пребывание российской ЧВК в ЦАР, тем более остро воспринимаются в Париже, что на фоне этой конкуренции Брекзит и укрепление англосаксонского тандема способствуют усилению американского полюса влияния в стратегическом регионе, прилежащем к Африканскому Рогу.

В связи с этим новым геополитическим раскладом угрозы и вызовы, исходящие из бывшей «заповедной зоны», требуя немедленной политической реакции и активных действий, не способны серьезно изменить главное направление пересмотра геополитических установок, в отличие от новых вызовов безопасности, определяющихся геэкономикой. Речь идет о борьбе за контроль над торговыми и цифровыми коммуникациями, т.е. над основными «общими» пространствами, ставшими ареной обострившегося соперничества, главными протагонистами которого являются США и Китай.

Индо-тихоокеанская ось как ответ американо-китайскому соперничеству за гегемонию

Как не стать жертвами глобального экономического столкновения США и Китая? Естественный при Обаме выбор в пользу укрепления евро-атлантического тандема возможен при условии, что в нем интересы европейцев будут равноправны, а не пожертвованы интересам США, как это было при Трампе. Помимо укрепления европейского экономического потенциала, единства интересов и приверженности мультилатерализму, т.е. консолидации ЕС, о чем было сказано выше, первым геополитическим решением может стать отказ от преимущественно континентального мышления в пользу «морского» – «маритимизация» геополитического сознания, преодоление заикленности на евро-атлантическом и евразийском пространствах. Т.Гомар предлагает европейцам

обеспечить контроль над информационными и торговыми коммуникациями, «выведа (их) на океанские просторы», прежде всего в Мировом океане и преимущественно в регионе их наибольшего сосредоточения – в Индо-Тихоокеанском бассейне [Gomart, 2019, p. 280]. Франция здесь надеется опереться на свой капитал единственного государства ЕС, обладающего территориями – островами в Океании, но также на поиски баланса интересов с региональными державами, которые не входили прежде в круг основных партнеров Франции / ЕС в силу географической удаленности: Индии, Австралией, Японией.

В этом направлении предприняты конкретные шаги, закрепленные в важных двусторонних договоренностях. С Индией Францию связывает 20-летнее сотрудничество в области обороны. Во время своего визита в Индию в марте 2018 г., вспомнив вклад индийских солдат во франко-британскую победу в Первой мировой войне, Э. Макрон говорил о необходимости создания совместно с Австралией военно-стратегического партнерства в Индийском и Тихом океанах, включающего обмен данными, совместное использование военно-морских баз, патрулирование воздушного и морского пространств. Руководящий мотив состоит в том, чтобы исключить на пространстве Индо-Тихоокеанского региона гегемонию какой-либо державы. Совместными усилиями океанские державы должны обеспечить в нем собственную стратегическую независимость [Visite d'État., 2018].

Чуть позже в речах президента утвердился понятие «индо-тихоокеанской оси». Оно прозвучало уже в мае 2018 г., во время визита Макрона в Австралию. Его главной темой стало союзничество во Второй мировой войне и совместное участие двух стран в борьбе с терроризмом и в разрешении конфликтов по всему миру, включая их сотрудничество в Сирии и Ливане. Обращение к прошлому, как и в случае с Индией, призвано было подчеркнуть органическую общность стратегических интересов, подкрепленную идеей «углубленного» стратегического партнерства на будущие 50 лет в рамках «новой индо-тихоокеанской оси». Ее предтечей Макрон назвал соглашение 2016 г. о поставке Австралии 12 французских подводных лодок, за которым в 2018 г. последовали под-

писанные уже в ходе этого визита двусторонний договор о взаимной логистической помощи французских и австралийских сил обороны и соглашение о кибербезопасности [Emmanuel Macron., 2018]. В июне 2019 г. президент совершил официальный визит в Японию, приуроченный к саммиту «Большой двадцатки». Главной темой переговоров с С. Абэ было укрепление «индо-тихоокеанской оси», связывающей Индию, Австралию, Японию и французские владения в Тихом океане [Voyage official., 2019].

«Усмирить соперничество держав»

В одном из своих выступлений, говоря об опасном нарастании силового соперничества, Э. Макрон отвел своей стране в мире особую роль «уравновешивающей державы», что предусматривает создание новых комбинаций интересов с державами, стремящимися, подобно Франции, вписаться в новый силовой баланс на наиболее благоприятных условиях. По мнению Т. Гомара, для этого следует переформулировать отношения с тремя сильнейшими державами, возглавляющими новую глобальную иерархию: США (трудным союзником), Китаем и Россией, с которыми следует ожидать как сотрудничества в отдельных досье и возможного баланса, так и конфликта интересов [Gomart, 2019, p. 279]. Главным вопросом на ближайшую и среднесрочную перспективы становится возможность гармоничного встраивания ЕС в проект «Один пояс, один путь», предлагающий глобализацию по-китайски. Логика ответа, который позволил бы европейцам играть самостоятельную роль при выстраивании новой европейско-евразийской реальности, требует столь резкого отказа от сложившейся схемы отношений и внутри ЕС, и в масштабе континента, и в мире в целом, что следовать ей проще, чем пытаться ее изменить, тем более что остается надежда, что правление Д. Трампа останется лишь временной девиацией.

Этот парадокс более всего заметен в отношении Макрона к Китаю, что проявилось в ходе визита Си Цзиньпина в Париж 24–26 марта 2019 г. Во Францию он прибыл в ходе европейского турне, которое началось с посещения Италии и Монако. В центре визита находились проблемы экономического взаимодействия меж-

ду двумя странами, но Э. Макрон решил придать переговорам более широкое, европейское звучание, пригласив присоединиться к ним на второй день А. Меркель и главу Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера. Для европейцев мартовская встреча четырех лидеров (3+КНР) явилась важным подготовительным этапом к евро-китайскому саммиту 9 апреля 2019 г., к которому ЕС готовился предложить новую, долгосрочную и более наступательную стратегию в отношении Китая, тем более что тот, по мнению европейцев, не торопится открыть свой рынок для европейских товаров и инвестиций [Macron resevra., 2019].

В то же время главной целью европейской поездки китайского лидера был поиск открытых дверей на европейском континенте для реализации колоссального проекта «Нового шелкового пути». Встрече в Париже предшествовало подписание рамочного соглашения между Пекином и Римом в частности, предусматривающее китайские инвестиции в реконструкцию порта в Генуе [Garcin-Berson, 2019], которое вызвало у Парижа и Берлина скорее растущее беспокойство, чем желание следовать итальянскому примеру. Потенциальная цена глобальной экономической экспансии Китая для ЕС, по мнению Франции, столь высока, что, в отличие от итальянского правительства, французский президент, несмотря на очевидные экономические выгоды в ближайшей перспективе (глобальные инвестиции Китая в него должны составить 1000 млрд долл.), отказался от подписания рамочного соглашения о присоединении Франции к китайскому проекту [Gallicher, 2019].

Важным в этой связи является будущее российско-китайского стратегического партнерства, оформившееся в условиях «отталкивания» России от ЕС. В этой связи придется вновь вернуться к вопросу о месте России, но на этот раз не в региональной, европейской, а в глобальной геополитической картине, «переписываемой» сегодня во Франции, подойдя к ней с другой – евразийской стороны. «Русский вопрос» в силу возвращения России к политике силового могущества, ее роль в новой евразийской конфигурации, вокруг которой идет острое соперничество между Китаем и США, занимает особое, противоречивое положение в новой геополитике

Франции. Как было сказано выше, его в первую очередь определяет расширение периметра безопасности Франции до восточной границы ЕС, т.е. до границы с Россией. Смещая границы французской геополитики, расширяя их на восток, к границам ЕС, европейский масштаб суверенитета делает французскую дипломатию заложницей исторических комплексов его восточноевропейских членов, что самым прямым образом влияет на отношения с Россией.

В принципе, военное участие Франции в усилении НАТО в странах Балтии можно расценить как тактический ход, призванный убедить восточноевропейских членов НАТО и ЕС в действенности военных гарантий европейцев и склонить убежденных атлантистов к укреплению европейской оборонной идентичности. Но в реальности географический регион приложения французских союзнических усилий предполагает взгляд через амбразуру, тем самым Франция присоединяется к концепции военного сдерживания России, которая становится *volens – nolens* потенциальным противником в еще большей степени, чем в годы холодной войны. Таким образом, именно для Франции «русский вопрос» представляется особенно острым в силу расходящихся векторов ее европейской и евразийской, а также глобальной политики. Она призвана избежать «ножниц» американо-китайского соперничества, в том числе благодаря изобретению (в интересах всех европейцев) новой формулы сотрудничества с Россией – бронзовым призером глобального силового соревнования. Но гармонизация европейского и евразийского, а следовательно, и глобального ареалов французской геополитики, во всяком случае на сухопутном пространстве, зависит от способности европейцев и России развернуться от конфронтации к сотрудничеству. Опыт показывает, что ни террористическая угроза, ни напряженные отношения с США не смогут быть достаточными основаниями для такого поворота. Не последнюю роль в этом играет оценка французскими экспертами экономического потенциала России, ее способности сохранить свободу действий и независимость в стратегическом партнерстве с Китаем. Пока прогнозы в этом отношении малоутешительны. Диспропорция в экономическом потенциале двух стран настолько велика (объем внешней торговли Китая по крайней мере в восемь раз вы-

ше российского), что ставит Москву в большую зависимость от Китая, делая невыигрышной ее позицию в торговых переговорах один на один с Пекином, снижая ее возможность сбалансировать растущее влияние Китая в Евразии [La Russie dans le monde, 2019, p. 69].

В результате Франция и Россия, возможно, долго будут испытывать на себе, каждый по-своему, тяжелые последствия медленного разрушения европейской геополитической связки Москва–Париж, восходящего к 1999 г., когда Б.Н. Ельцин разошелся с Ж. Шираком, совершившим определяющий выбор в пользу участия в военной операции НАТО против Югославии. Именно с этого момента началось «расходящееся движение» членов европейского «привилегированного партнерства»: Франции – в проатлантическом русле Европы, а российской власти – от первоначального геополитического выбора в пользу «демократической солидарности» с Западом в силу его неприемлемых для Москвы политических издержек. Таким образом, обозначилось парадигматическое расхождение геополитик двух частей Европы в складывающейся мировой системе.

Литература

Обичкина Е.О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. – М.: МГИМО, 2004. – 487 с.

Франция послала в Эстонию военную технику, а Англия спецназ // EurAsiaDaily. – 2019. – 17.04. – Mode of access: <https://easily.com/ru/news/2019/04/17/franciya-poslala-v-estoniyu-voennuyu-tehniku-a-angliya-speznaz> (Date of access – 12.02.2021).

Ben Jahmed M. Emmanuel Macron : «J'agirai en Afrique en toute transparence, loin des réseaux de connivence» // Jeune Afrique. – 2017. – 14.04. – Mode of access: www.jeuneafrique.com/429951/politique/emmanuel-macron-defendrai-respect-de-democratie-partout-afrique/ (Date of access – 12.02.2021).

Boniface P. La France est-elle encore une grande puissance? – Paris : Presses de Sciences Po, 1998. – 137 p.

Déclaration conjointe d'Emmanuel Macron et de Vladimir Poutine, Président de la Fédération de Russie // Présidence de la République [site officiel]. – 2019. – 19.08. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/20/declaration-de-presse-demmanuel-macron-president-de>

la-republique-avec-vladimir-poutine-president-de-la-federation-de-russie (Date of access - 12.02.2021).

Déplacement du Président Emmanuel Macron en République de Lituanie // Pr sidence de la R publique [site officiel]. - 2020. - 29.09. - Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/09/29/deplacement-du-president-emmanuel-macron-en-republique-de-lituanie> (Date of access - 12.02.2021).

Emmanuel Macron remercie l'engagement de l'Australie dans les conflits mondiaux // Europe 1. - 2018. - 02.05. - Mode of access: <https://www.europe1.fr/international/macron-remercie-l-engagement-de-l-australie-dans-les-conflits-mondiaux-3640967> (Date of access - 12.02.2021).

Gallicher B. Trois questions sur la visite de Xi Jinping en France // Franceinfo. - 2019. - 24.03. - Mode of access: https://www.francetvinfo.fr/politique/emmanuel-macron/video-trois-questions-sur-la-visite-de-xi-jinping-en-france_3245309.html (Date of access - 12.02.2021).

Garcin-Berson W. Les nouvelles routes de la soie, le projet au service de l'h g monie chinoise // Le Figaro. - 2019. - 26.03.

Gomart Th. L'affolement du monde. Dix enjeux g opolitiques. - Paris : Tallandier ESSAIS, 2019. - 320 p.

Gomart Th. Le Retour du risque g opolitique. Le triangle strat gique Russie, Chine, Etats-Unis. - Paris : Institut de l'entreprise/Ifri, 2016. - Mode of access: https://www.institut-entreprise.fr/sites/default/files/archives/2016_IDEP_Le%20retour%20du%20risque%20g opolitique_integral.pdf (Date of access - 12.02.2021).

Jupp  A. Quelle horizon pour la politique  trang re de la France ? // Politique  trang re. - 1995. - N 1. - P. 245-259.

Lacoste Y. G opolitique. La longue histoire d'aujourd'hui. - Paris : Larousse, 2009. - 320 p.

Macron assume la «confrontation f conde» avec Merkel, «pour b tir un compromis» // Le Figaro. - 2019. - 15.05.

Macron E. Discours   la Conf rence des Ambassadeurs 27 ao t 2018 // Pr sidence de la R publique [site officiel]. - 2018. - 27.08. - Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs> (Date of access - 12.02.2021).

Macron E. Discours   la semaine des ambassadeurs de France // Voltairenet.fr. - 2017 a. - 29.08. - Mode of access: www.voltairenet.org/article197666.html (Date of access - 12.02.2021).

Macron E. Discours   l'h tel de Brienne // Pr sidence de la R publique [site officiel]. - 2017 b. - 13.07. - Mode of access: <https://www.elysee.fr/em>

manuel-macron/2017/07/13/discours-d-emmanuel-macron-a-l-hotel-de-brienne (Date of access - 12.02.2021).

Macron E. Discours à la conférence des Ambassadeurs // Présidence de la République [site officiel]. - 2019. - 27.08. - Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1> (Date of access - 12.02.2021).

Macron E. Discours à l'Université de Ouagadougou // Présidence de la République [site officiel]. - 2017 c. - 28.11. - Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/11/28/discours-demmanuel-macron-a-l-universite-de-ouagadougou> (Date of access - 12.02.2021).

Macron E. Initiative pour l'Europe. Discours pour une Europe souveraine, unie, démocratique // Présidence de la République [site officiel]. - 2017 d. - 26.09. - Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique> (Date of access - 12.02.2021).

Macron E. L'Europe est une nécessité absolue: Entretien exclusif // Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. - 2017 e. - 13.07. - Mode of access: <https://nl.ambafrance.org/Entretien-exclusif-Emmanuel-Macron-L-Europe-est-une-necessite-absolue-13> (Date of access - 12.02.2021).

Macron recevra Xi Jinping, Merkel et Juncker mardi à l'Élysée // Le Figaro. - 2019. - 21.03.

Meyssan Th. Selon Emmanuel Macron, le temps de la souveraineté populaire est révolu // Voltairenet.fr. - 2017. - 05.09. - Mode of access: www.voltairenet.org/article197713.html (Date of access - 12.02.2021).

Mongrenier J.-S., Thom F. Géopolitique de la Russie. - Paris : PUF, 2018. - 128 p.

Pour Emmanuel Macron, l'Otan est un état de «mort cérébrale» // Le Figaro. - 2019. - 07.11. - Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/international/le-president-francais-emmanuel-macron-juge-l-otan-en-etat-de-mort-cerebrale-20191107> (Date of access - 12.02.2021).

La Russie dans le monde / Sous la dir. de A. de Tinguy. - Paris : CNRS Editions, 2019. - 300 p.

Travailleurs détachés : Macron déclenche la crise diplomatique avec la Pologne // Le Monde. - 2017. - 25.08.

Visite d'État en Inde et sommet fondateur de l'alliance solaire internationale // Présidence de la République [site officiel]. - 2018. - 09-12.03. - Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/visite-detat-en-inde-et-sommet-fondateur-de-l-alliance-solaire-internationale> (Date of access - 12.02.2021).

Voyage officiel et G20 au Japon // Présidence de la République [site officiel]. – 2019. – 26–29.06. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/voyage-officiel-et-g20-au-japon> (Date of access – 12.02.2021).

DOI: 10.31249/ape/2021.03.10

Obichkina E.O.¹©, 2021

***Emmanuel Macron's foreign policy:
Searching for a geopolitical strategy
in the disordered world hierarchy***

Abstract. *The start of the presidential cycle opens up a new period of French domestic and foreign policies. It is typical for the domestic school of French studies to correlate the foreign policy of a new president with the main historical reference of the Fifth republic – the diplomacy of its founder Charles de Gaulle, despite the fact that the international situation that determined it is a thing of the past. The profound transformations of the international environment have shattered the foundations of the foreign policy equilibrium formed by de Gaulle, therefore it seems an anachronism to predict the foreign policy course of Paris based solely on tradition. During three and a half years of E. Macron's rule, the main directions of adjusting geopolitical approaches were determined, which did not diminish the acuteness of the question of the role of France and the EU in the world, where a new hierarchy of centers of power is being built. New features of French geopolitics testify to the transformations of geopolitical identity, in which sovereignty was transferred to the European (EU) level, and strategic identity from the national / European to the European / Atlantic level. In this dual ensemble, France intends to play the role of a leader capable of promoting national interests through the establishment of the EU as an independent center of power. The purpose of this study is to analyze the foundations of current French geopolitics, which allows to outline the direction and framework of the country's foreign policy for the medium, possibly for the long term.*

---

¹ **Obichkina Evgeniia Olegovna** – Dr. Sci. (Hist.), Prof. of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (obichkina@mail.ru).

Keywords: *E. Macron's foreign policy, French geopolitics, geopolitical interests of Russia, the European Union as a center of power, the Indo-Pacific region.*

References

Ben Jahmed M. (2017). Emmanuel Macron : «J'agirai en Afrique en toute transparence, loin des réseaux de connivence» // Jeune Afrique. – 14.04. – Mode of access: www.jeuneafrique.com/429951/politique/emmanuel-macron-defendrai-respect-de-democratie-partout-afrique/ (Date of access – 12.02.2021).

Boniface P. (1998). La France est-elle encore une grande puissance? – Paris : Presses de Sciences Po. – 137 p.

Déclaration conjointe d'Emmanuel Macron et de Vladimir Poutine, Président de la Fédération de Russie. (2019) // Présidence de la République [site officiel]. – 19.08. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/20/declaration-de-presse-demmanuel-macron-president-de-la-republique-avec-vladimir-poutine-president-de-la-federation-de-russie> (Date of access – 12.02.2021).

Déplacement du Président Emmanuel Macron en République de Lituanie. (2020) // Présidence de la République [site officiel]. – 29.09. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/09/29/deplacement-du-president-emmanuel-macron-en-republique-de-lituanie> (Date of access – 12.02.2021).

Emmanuel Macron remercie l'engagement de l'Australie dans les conflits mondiaux. (2018) // Europe 1. – 02.05. – Mode of access: <https://www.europe1.fr/international/macron-remercie-lengagement-de-laustralie-dans-les-conflits-mondiaux-3640967> (Date of access – 12.02.2021).

France sent military equipment to Estonia, and Britain sent special forces. (2019) [*Frantsiya poslala v Estoniyu voennuyu tekhniku, a Angliya spetsnaz*] // EurAsiaDaily. – 17.04. – Mode of access: <https://eadaily.com/ru/news/2019/04/17/franciya-poslala-v-estoniyu-voennuyu-tehniku-a-angliya-specnaz> (Date of access – 12.02.2021).

Gallicher B. (2019). Trois questions sur la visite de Xi Jinping en France // Franceinfo. – 24.03. – Mode of access: https://www.francetvinfo.fr/politique/emmanuel-macron/video-trois-questions-sur-la-visite-de-xi-jinping-en-france_3245309.html (Date of access – 12.02.2021).

Garcin-Berson W. (2019). Les nouvelles routes de la soie, le projet au service de l'hégémonie chinoise // Le Figaro. – 26.03.

Gomart Th. (2019). L'affolement du monde. Dix enjeux géopolitiques. – Paris : Tallandier ESSAIS. – 320 p.

Gomart Th. (2016). Le Retour du risque géopolitique. Le triangle stratégique Russie, Chine, Etats-Unis. – Paris : Institut de l'entreprise/Ifri. – Mode of access: https://www.institut-entreprise.fr/sites/default/files/archives/2016_IDEP_Le%20retour%20du%20risque%20géopolitique_integral.pdf (Date of access – 12.02.2021).

Juppé A. (1995). Quelle horizon pour la politique étrangère de la France ? // Politique étrangère. – N 1. – P. 245–259.

Lacoste Y. (2009). Géopolitique. La longue histoire d'aujourd'hui. – Paris : Larousse. – 320 p.

Macron assume la «confrontation féconde» avec Merkel, «pour bâtir un compromis». (2019) // Le Figaro. – 15.05.

Macron E. (2018). Discours à la Conférence des Ambassadeurs 27 août 2018 // Présidence de la République [site officiel]. – 27.08. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs> (Date of access – 12.02.2021).

Macron E. (2017 a). Discours à la semaine des ambassadeurs de France // Voltairenet.fr. – 29.08. – Mode of access: www.voltairenet.org/article197666.html (Date of access – 12.02.2021).

Macron E. (2017 b). Discours à l'hôtel de Brienne // Présidence de la République [site officiel]. – 13.07. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/07/13/discours-d-emmanuel-macron-a-l-hotel-de-brienne> (Date of access – 12.02.2021).

Macron E. (2019). Discours à la conférence des Ambassadeurs // Présidence de la République [site officiel]. – 27.08. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1> (Date of access – 12.02.2021).

Macron E. (2017 c). Discours à l'Université de Ouagadougou // Présidence de la République [site officiel]. – 28.11. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/11/28/discours-d-emmanuel-macron-a-l-universite-de-ouagadougou> (Date of access – 12.02.2021).

Macron E. (2017 d). Initiative pour l'Europe. Discours pour une Europe souveraine, unie, démocratique // Présidence de la République [site officiel]. – 26.09. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique> (Date of access – 12.02.2021).

Macron E. (2017 e). L'Europe est une nécessité absolue: Entretien exclusif // Ministère de l'Europe et des affaires étrangères. – 13.07. – Mode of access:

<https://nl.ambafrance.org/Entretien-exclusif-Emmanuel-Macron-L-Europe-est-une-necessite-absolue-13> (Date of access - 12.02.2021).

Macron recevra Xi Jinping, Merkel et Juncker mardi à l'Élysée. (2019) // Le Figaro. - 21.03.

Meyssan Th. (2017). Selon Emmanuel Macron, le temps de la souveraineté populaire est révolu // Voltairenet.fr. - 05.09. - Mode of access: www.voltairenet.org/article197713.html (Date of access - 12.02.2021).

Mongrenier J.-S., Thom F. (2018). Géopolitique de la Russie. - Paris : PUF. - 128 p.

Obichkina E.O. (2004). France in search of foreign policy guidelines in a post-bipolar world [*Frantsiya v poiskakh vneshnepoliticheskikh orientirov v postbi-polyarnom mire*]. - Moscow : MGIMO. - 487 p.

Pour Emmanuel Macron, l'Otan est un état de «mort cérébrale». (2019) // Le Figaro. - 07.11. - Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/international/le-president-francais-emmanuel-macron-juge-l-otan-en-etat-de-mort-cerebrale-20191107> (Date of access - 12.02.2021).

La Russie dans le monde. (2019) / Sous la dir. de A. de Tinguy. - Paris : CNRS Editions. - 300 p.

Travailleurs détachés : Macron déclenche la crise diplomatique avec la Pologne. (2017) // Le Monde. - 25.08.

Visite d'État en Inde et sommet fondateur de l'alliance solaire internationale. (2018) // Présidence de la République [site officiel]. - 09-12.03. - Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/visite-detat-en-inde-et-sommet-fondateur-de-l-alliance-solaire-internationale> (Date of access - 12.02.2021).

Voyage officiel et G20 au Japon. (2019) // Présidence de la République [site officiel]. - 26-29.06. - Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/voyage-officiel-et-g20-au-japon> (Date of access - 12.02.2021).